

- [В. В. Болотов](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

На чем основывается учение о наследственности таланта?

Примеры сохранения некоторых особенностей физических или психических в одном роде в продолжение нескольких поколений довольно нередки. Наименее искусственное объяснение этого замечательного явления есть то, по которому данные особенности представляются унаследованными от предков. Это объяснение, даже тогда, когда оно относится к факту особенной даровитости известного семейства, в обыкновенном обществе принимается без всякого недоверия: «такой-то уродился в отца, в деда», «это у *них* в роду», — вот обыкновенные ходячие фразы, которыми люди думают объяснить причину недюжинной даровитости или эксцентричности известного лица. Не таково положение теории наследственности таланта в ученом мире. Представить твердые научные основания для этой теории — дело весьма нелегкое: вопрос о наследственности таланта переходит в вопрос о прирожденности духовных дарований и, наконец, в темный вопрос о влиянии психических качеств на состав телесного организма. Неудивительно, поэтому, что теория наследственности таланта в ученом мире имела как защитников, так и противников.

В последнее время решительным защитником этой теории является Фрэнсис Гальтон, представивший в двух сочинениях («Наследственность таланта» и «Englishmen of science, their nature and nurture») результаты долговременного и тщательного изучения фактов, относящихся к вопросу о природе таланта. Гальтон «первым попытался разработать этот вопрос статистически, пришел к таким выводам, которые могут быть выражены цифрами, и применил к изучению наследственности «закон уклонения от средних величин».

Первое сочинение Гальтона представляет опыт обоснования теории наследственности таланта на основании статистических данных, второе сочинение, едва ли не более ценное, чем первое, по количеству расследованных в нем частных пунктов, раскрывает те моменты, которые влияют на рождение и воспитание даровитых людей. Оригинальный метод, который Гальтон приложил к исследованию вопроса о таланте, вызвал похвалы, приложен к исследованию в одном из русских журналов и привел к результатам, отчасти тождественным с добытыми Гальтоном. — «Английский мыслитель Гальтон... так просто распахнул двери таинственного храма гения, что, видимо, он решал свою задачу без традиционного сознания ее неприступности и без всякой мысли (?) о том, что он срывает покров с одной из самых глубоких тайн человеческой природы» (Наследственность таланта. Стр. 26). Такую тонкую и, можно сказать, невесомую материю, как вопрос о гении, он, не задумываясь, кладет на грубые весы статистики,... и в результате этой смелой операции получились выводы, достойные полного внимания со стороны образованного мира (Семья и школа. Ноябрь. Стр. 189).

Первые главы «Наследственности таланта» направлены к устранению возражений, с одной стороны, против самой темы сочинения Гальтона, с другой — против принятого им метода разработки своего предмета.

Очевидно, что вопрос о наследственности таланта может быть поставлен только тогда, когда будет решен в положительном смысле вопрос о прирожденности таланта, когда будет поставлен вне всякого сомнения факт различия людей по их природным дарованиям. Этот факт Гальтон не считает общепризнанным, тем не менее защищает его самым решительным образом.

«Я совершенно не допускаю гипотезы, иногда высказываемой прямо, а еще чаще подразумеваемой, преимущественно в рассказах, писанных для назидания детей, которая утверждает, будто бы все рождаются на свет почти одинаковыми, и что единственными факторами, создающими различие между тем и другим... человеком, являются прилежание и нравственные усилия над собою. Я самым безусловным образом отвергаю предположение о природном равенстве между людьми» (Наследственность таланта. Стр. 15).

В этих немногих словах, очень метко очерчивающих самую привлекательную сторону противоположного воззрения, высказано положение, опровергнуть которое во всем его объеме — дело едва ли возможное. Вся аргументация Гальтона, направленная в защиту этого положения, производит странное действие. Логическая сторона ее далеко не безукоризненна; можно находить слабые стороны в каждом из ее членов, можно считать только вероятным все, что высказывается так категорически;¹ но если эту вероятность оценить не со строго логической, а с жизненнопрактической точки зрения, то на место сомнения является необходимость признать реальную правду этой вероятности. Можно, конечно, без логической погрешности, предполагать, что «явления, наблюдаемые в детской, школе, университете и особенно на различных поприщах позднейшей деятельности» и представляющие столь очевидные доказательства различия людей по их способности к умственному труду, еще ничего не свидетельствуют об их природных дарованиях, которые не подлежат нашему наблюдению в их чистом, не осложненном внешними влияниями виде; но для практической жизни эти логические тонкости совершенно безразличны. Заключение *a posse ad esse a non esse ad non posse*, софизм или паралогизм с точки зрения логики, — своеобразно-правильно с жизненнопрактической точки зрения: явления и силы для нас настолько существуют, насколько проявляются, и человек — положим — феноменально талантливый *in potentia*, ничем не заявивший своих дарований, с практической точки зрения так же бездарен, как идиот. — С этой точки зрения представляется весьма метким сравнение метода Гальтона с грубыми весами. Вопрос, неразрешимый со строго логической точки зрения, предмет невесомый, становится удоборазрешимым, получает весьма ощутительный вес, когда на него начинают смотреть с практической точки зрения. Одна такая реальная картина психических опытов, которые приводят человека к верному определению своих сил, своего скромного места в мире, какую рисует Гальтон (стр. 16 — 17), — представляет весьма убедительное доказательство различия людей по их природным дарованиям, хотя мы и не можем определить меру различия, какое существует между природными способностями людей в самые первые мгновения их жизни.

Признав факт различия людей по их природным дарованиям, мы тем самым предпрещаем уже вопрос о наследственности таланта, или, точнее, талантливости. Если те элементы, из которых слагается талант, прирождены человеку, то, очевидно, он получил их от родителей. Возражать против этого можно только под условием другого понятия о наследственности как преемстве тех особенностей, которые заметно проявились в предках. Если мы не признаем наследственным того богатства, которое сын приобрел чрез разработку золотоносной руды в своем родовом имении, о существовании которой отец и не предполагал, то, прилагая то понятие о наследственности, которое высказывается в суждениях об этом факте, к преемству элементов таланта, мы вправе утверждать, что наследственность таланта — факт далеко не всеобщий и наблюдается в случаях, которые можно считать исключениями.

	А Число исследованных фактов	В Число случа-ев наследственности	С Отношение В к А
Лорды-канцлеры	30	24	0,8

Государственные люди при Георге III	53	33	0,6
Премьеры	16	8	0,5
Полководцы	59	32	0,5
Писатели	57	36	0,7
Ученые	85	65	0,8
Поэты	100	40	0,4
Музыканты	100	26	0,3
Живописцы	42	18	0,4
Классики	36	14	0,4

Среднее число — 0,5.

В «Englishmenofscience» он приводит такие данные по вопросу о наследственности таланта современных английских людей науки:

Из 191 только 59 избрали свою карьеру по врожденной склонности (следовательно, только 0,3). Из числа 91 56 ученых избрали свою отрасль естественных наук безусловно по врожденной склонности (0,6), 11 — безусловно не по врожденной склонности (0,12), и в 24 случаях врожденная склонность к данной специальности была сомнительна (0,26) (Семья и Школа. Декабрь. Стр. 282—283). Если свести все эти данные к одному знаменателю, то оказывается, что отношение случаев наследственной талантливости к случаям, в которых наследственность сомнительна, равно $0,4(0,5+0,3)^2$ или $0,55(0,5+0,6)^2$. Таким образом, цифра 0,5, выведенная Гальтоном из статистических данных, собранных в его первом сочинении, оказывается весьма твердою, и отклонение от нее весьма незначительно. А признать законом, определяющим преемство талантливости, то, что замечается только в половине наблюдаемых фактов, едва ли возможно. Такое скептическое отношение к этому численному данному усиливается еще тем методом, которым произведено у Гальтона это обобщение.

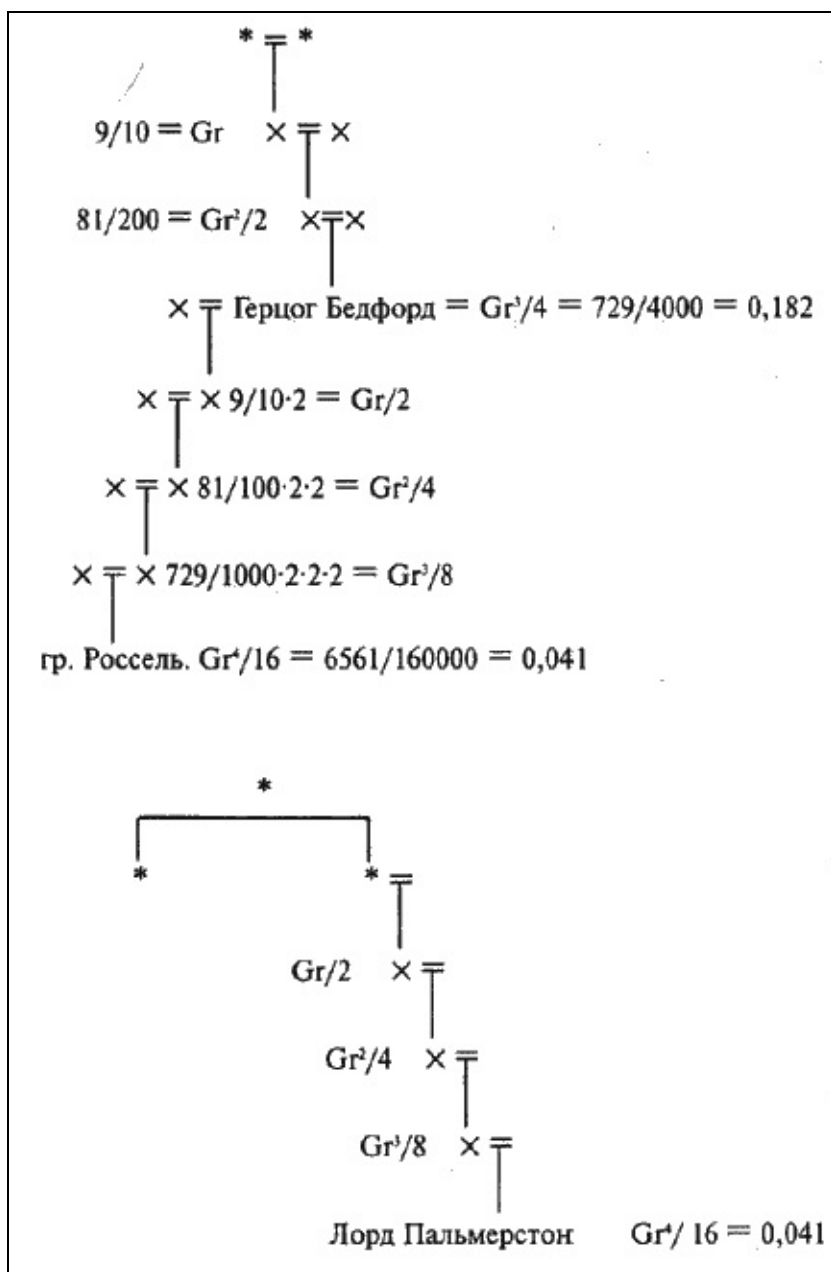
На чем основывается учение о наследственности таланта?

Гальтон признает наследственным талант всех тех даровитых людей, которые имеют «выдающихся» или «знаменитых» родственников. Это не во всех случаях надежный критерий для определения наследственности таланта. Так как талант может изменяться в своей форме, переходя от предков к потомкам, то доказать, что известное знаменитое лицо обладает наследственным талантом, в некоторых случаях так же трудно, как доказать, например, что хигрок составил себе состояние, поставив на карту золотую монету, данную именно у особой, тогда как он явился в игорный дом с золотыми, которые хвзял, не обращая внимания на их отличительные признаки, у лиц m , n , u и z . Вероятность, что хразбогател «со счастливой руки» u , в данном случае несколько не более той, что хсвоим счастьем обязан счастьют, $пили z$, или всем им вместе, или, наконец, — никому из них. Так же трудно доказать, что графиня Ловелэс, «обладавшая замечательными математическими способностями» (Наследственность таланта. Стр. 195), обладала наследственным талантом, потому что она была дочь знаменитого Байрона, или то, что Гейне обладал «наследственным талантом», потому что был в родстве с человеком, «сначала бедным, но приобретшим впоследствии до 2.000.000 фунтов стерлингов и пожертвовавшим громадные суммы на общественные учреждения» (стр. 196). Зная об Аде, графине Ловелэс, только то, что она обладала наследственным талантом и отличалась математическими способностями, всякий, конечно, $apriori$ предположит, что она была дочь Ньютона, Паскаля, Лапласа, Гаусса, но имя Байрона вспомнится после многих других, и,

вероятно, в такой форме: «ужели же, наконец, она — дочь Байрона?»»

Зная о Соломоне Гейне только то, что это был человек, возвысившийся из бедности до положения миллионера, можно предположить скорее, что он — родственник одного из тех американских миллионеров, которые начинают свои коммерческие операции с 1 долларом и оставляют своим детям капитал в 25,000.000 долларов (Астон), или, начав с положения рабочего, который таскает дрова на барки, приобретают известность первого дельца в Соединенных Штатах (Вандербильт. Сын Отечества. 1874 г. №291), — но трудно догадаться, что этот родственник Соломона Гейне есть непрактический поэт Генрих Гейне.

Но если даже допустим, что талант, сохраняющийся в известном семействе в общей форме талантливости, должен считаться наследственным, то, по строгому смыслу понятия «наследственность», можно признать наследственной даровитость известного лица только в том случае, когда есть возможность, хотя бы только с вероятностью, указать того родственника, от которого рассматриваемый «знаменитый» человек наследовал свой талант, и показать, что он («знаменитый» человек) мог наследовать даровитость своего родственника. Так как единственная форма, в которой возможно наследовать вместе с развитым мозгом и талантливость известного лица, есть происхождение от него, то понятно, что для доказательства наследственности таланта известного лица вовсе не важно то, что у него есть даровитые родственники вообще; весь вопрос в том, имеет ли этот человек даровитых родственников в прямой восходящей линии, предков в собственном смысле этого слова, кровь которых, как обыкновенно выражаются, течет в жилах рассматриваемого знаменитого человека. Так как, по теории вероятностей, причинная зависимость потомков от предков относительно своих способностей прямо пропорциональна количеству крови предков, которая течет в жилах их потомков, то для доказательства наследственности душевных способностей известного лица далеко не безразлично, в какой степени родства с ним состоят его даровитые предки. Формула, представленная Галь- тоном на странице 287, дает возможность в цифрах выразить зависимость в своих природных свойствах потомков от предков, и потому в некоторых из приводимых в его сочинении случаях наследственность таланта может представляться сомнительною.

Муж и жена отмечены знаком =, «даровитые» люди — *, «посредственности» — х.

Герцог Веллингтон имеет единственного талантливое предка и лице «сэра Джона Тревора, бесчестного судьи, двоюродного брата и соперника более талантливого, но едва ли более бесчестного судьи Джеффриса». Этот даровитый предок — прапращур (ОРр, 5-я степень родства, Gr 532590493.200.0000,01845...) герцога Веллингтона.

При столь отдаленном родстве между этими знаменитыми государственными людьми и их даровитыми предками трудно предположить, что даровитость первых обуславливается даровитостью последних, когда влияние герцога Бедфорда оказалось бессильным в трех ближайших к нему поколениях, а талант сэра Джона Тревора не отразился заметным образом даже в целых 4-х поколениях и стал действовать в тех потомках, которые имеют в своем организме менее, чем 2100 крови Тревора.

Что касается родства по нисходящей линии, то, при всей важности для теории наследственности таланта статистических данных этого рода, оно не может быть принято во

внимание при тех обобщениях, которые определяют процентное отношение «знаменитых» людей с наследственным талантом к общему числу «знаменитых» людей. Существование «выдающихся» людей в потомстве «знаменитых» людей, представляя фактическое доказательство того, что даровитость «знаменитых» лиц может стать наследственной в их потомстве, никаким образом не может служить доказательством того, что сами они обладали наследственным талантом, точно так же, как бездарное потомство гениального человека, имеющего талантливых предков, не доказывает еще, что этот даровитейший представитель своего рода обладал гением не наследственным.

Поэтому «знаменитые» люди, имеющие «выдающихся» родственников только в прямой нисходящей линии, должны быть отнесены к числу лиц, не имеющих наследственного таланта.

Тем с большою справедливостью должны быть исключены из числа наследственно-талантливых те «знаменитые» люди, которые имеют «выдающихся» родственников только в боковой линии.

Тот факт, что Бернар Жюссье (стр. 181) имел двух даровитых братьев, «знаменитого» племянника и сына племянника, наследовавшего талант своего отца, исключает, конечно, возможность предположения, что талантливость семьи Жюссье — явление чисто случайное, не имеющего никакого основания в природных свойствах предков знаменитых братьев, но не дает права утверждать, что талант Бернара Жюссье был наследственным указать даровитого предка Жюссье, повлиявшего на умственные силы трех братьев, невозможно, а братья не могут передать друг другу своих дарований. В данном случае не подлежит сомнению по крайней мере то, что талантливость братьев Жюссье представляющая притом замечательное сходство по своей форме (все они — знаменитые ботаники), происходит от одной естественной причины, зависит от влияния одних и тех же факторов, потому что все Жюссье происходят от одних и тех же предков; но когда «знаменитый» человек имеет только «выдающийся» двоюродного брата или даже еще более отдаленного родственника, тогда о происхождении их таланта невозможно сказать того немногого, что можно сказать о таланте Жюссье. M и N , суммы элементов двух даровитых двоюродных братьев M и N , по формуле Гальтона, могут быть представлены в следующем виде:

$$M(81a+9b)(100x20)+90\beta(100x20)+1m10,$$

$$N(81a+9c)(100x20)+90\gamma(100x20)+1n10.$$

Есть ли возможность на основании этих формул сколько-нибудь логически доказать, что даровитость M и N зависит именно от влияния фактора a , то есть деда и бабки их по отцу, а не от b и c или β и γ , то есть личных свойств их отцов или личных и родовых свойств их матерей? Эта трудность доказать родство туч человек по таланту возрастает и приближается к положительной невозможности по мере отдаленности их по степени физического родства.

Странная в сочинении такого, видимо беспристрастного, ученого, как Гальтон, до крайности натянутая попытка объявить гений Ньютона наследственным и чрез влияние родства с Ньютоном объяснить даровитость Гёттонов — представляет своего рода *reductio ad absurdum* принятого Гальтоном правила — признавать наследственно-даровитым всякого, кто имеет выдающихся родственников в какой бы то ни было линии и степени родства. Мать Ньютона не была даровита, ее отец, мать и сестра — также; но два праправнука или даже прапраправнука последней, Гёттоны (в 7 или 8 степени родства с Ньютоном), были даровиты; хотя один из Гёттонов родился спустя 95 лет после Ньютона и спустя 10 лет после его смерти, однако и Ньютон и Гёттоны — наследственно-даровиты: в жилах их течет одна кровь, хотя и не в равном количестве (0,4... ее — в организме Ньютона и 0,036... или даже 0,016... в Гёттонах, родственная связь которых с Ньютоном выражается отношением 1:0,09 или 1:0,04).

Насколько эта неправильная норма для определения наследственности таланта

преувеличила процент наследственно-талантливых людей, это видно из следующего сопоставления:

А	В	С	Д	Е
Число всех лиц, родственные связи которых исследованы Гальтоном	Число лиц, имеющих выдающихся родственников	Имеют род- ственников в прямой восходящей линии.	Процентное отношение В:А	С:А
Полководцы 59	32	17	54.2	28.8
Писатели 56	37	17	66.1	30.4
Ученые 83	65	28	78.3	33.7
Поэты 56	24	6	42.8	10.4
Музыканты 120	26	14	21.7	11.6
Живописцы 42	26	9	42.8	21.6
Классики 36	14	13	38.9	36.1
ИТОГО: 452	224	104	49.6	24.6

Таким образом, из 224 «знаменитых» людей, признанных Гальтоном наследственно-даровитыми, в действительности могут считаться такими только 104, из 120 остальных 62 человека признаны имеющими наследственный талант потому, что у них есть талантливые потомки в собственном смысле этого слова, и 58 — потому, что у них есть даровитые родственники по боковой линии. Вместе с тем, процентное отношение наследственно-даровитых лиц к сумме «знаменитых», оказывается ровно вдвое менее того, которое указывает Гальтон: вместо 49,2 % — только 24,6 %. Этот процент несколько ниже действительного, так как при его вычислении не принято в расчет процентное отношение даровитых людей из класса «политических деятелей», потому что глава «Государственные люди» изменена в русском переводе (стр. 86) и на основании ее нельзя определить, какие политические деятели упоминаются (стр. 243) под общим названием «лордов-канцлеров, государственных людей при Георге III и премьеров». Между тем, число наследственно-даровитых лиц в этом классе весьма значительно — 64 %, так что отношение людей с наследственным талантом к числу «знаменитых» людей всех классов колеблется около 0,268.

Во всяком случае, теория наследственности таланта в строгом смысле, при ее современной научной постановке, оказывайся недостаточно твердою в самом главном: против нее — большинство фактов, а это чрезвычайно важно во всех вопросах, которые решаются статистически; при отсутствии других, более веских оснований, чем статистические данные, трудно согласиться признать существенным признаком известного класса явлений ту черту, которая наблюдается приблизительно и 27 из 100 случаев.

Но, может быть, теорию наследственности таланта (в точном смысле) можно защищать с другой точки зрения другим методом. В основе этой теории лежит мысль, что талант есть плод высокой степени культуры мозга и психических способностей, недостижимой для одного поколения; прогрессивное развитие душевных способностей оказалось возможным именно потому, что потомки получали от предков способности на высшей степени развития, нежели та, в которой они были прирождены предкам. Против справедливости этой мысли в приложении к фактам различных порядков трудно спорить; в том виде, в каком защищает ее, например, Карпентер, теория преемственности интеллектуальной культуры заслуживает полного доверия.

«Кто, например, — говорит он, — откажется признать за врожденный дар удивительную способность к пониманию числовых отношений, обнаруженную без всякого обучения в детстве Георгом Биддером и Зерахом Кольборном? Но кто, с другой стороны, может поверить, чтобы Биддер или Кольборн мог вдруг появиться в племени диких, не умеющих считать далее пяти? Или кто может не заметить в истории самых ранних лет Моцарта зари того славного гения, чья блестящая, но кратковременная карьера оставила неизгладимое впечатление на искусстве, которое она обогатила? Но кто будет иметь смелость утверждать, чтобы дитя Моцарт мог родиться среди того племени, у коего единственным музыкальным инструментом был бы там-там и единственную песню монотонный напев?» (Русск. В. 1872. Т. 100. Стр. 795).

Может быть, эта мысль совершенно справедлива и в отношении к талантливым людям одной расы. Между «знаменитыми» людьми существует же некоторое различие по силе их таланта: есть люди «гениальные», место которых, по терминологии Гальтона, может быть между G - X , и есть люди только «талантливые», занимающие место между F - G . Из негритянской расы вышел Л'Увертюр, но негры не имеют своего Питта, своего Канта или Гумбольдта. Точно так же из фамилий, не заявивших себя даровитостью, может быть, выходят только «таланты», но не «гении», так что даровитость «знаменитых» людей по своей силе прямо пропорциональна сумме их даровитых предшественников в роде их, или, если можно так выразиться, величине наследственности.

Как важно для защитников теории наследственности таланта оправдать это предположение фактами, это можно видеть уже и из того, что Гальтон тщательно отличает все статистические данные, подтверждающие это предположение². Однако ж, это предположение скорее опровергается, чем подтверждается фактами.

Факт, что наиболее даровитые люди имеют наибольшее число выдающихся родственников, справедлив только относительно судей, государственных людей и полководцев, но и этот класс даровитых «людей дела» представляет исключения. Так, лорд Брум, на которого Гальтон указывает (стр. 38) как на такой сильный талант, которого «никакая комбинация обстоятельств не могла бы понизить до уровня незаметной посредственности», собственно не может быть признан наследственно даровитым, потому что он имеет только одного выдающегося родственника в боковой линии в 4-й степени, брата деда по матери (Ор). Между даровитейшими из «государственных людей» Фокс (Р. О), Шеридан (Р. р. О. о) и Пиль (р. О) имеют блестящую генеалогию; не в такой мере, как они, но оправдывают замечание Гальтона Ришелье, Питт младший и Дизраэли; влияние даровитых предков на Веллингтона, Росселя и Пальмерстона, вследствие отдаленности родства, может подлежать сомнению; но Сесиль, даровитейший из Гизов, Кромвель, Кольбер, Питт старший, Уильберфорс и Каннинг не имеют выдающихся предков.

Относительно «полководцев» замечание Гальтона оказывается наиболее справедливым. Правда, в перечне полководцев, не имеющих знаменитых или выдающихся предков, оказываются имена Филиппа Македонского, Велисария, Валленштейна, принца Евгения, Мальборо и Веллингтона, но в списке наследственно-даровитых стоят такие звезды первой величины, как имена Александра Великого, Ганнибала, Цезаря и Наполеона (у Цезаря и Наполеона были только даровитые матери), — победителя Ганнибала, Сципиона, — и «величайшего из французских маршалов донаполеоновского времени», Тюренна.

Но наблюдение Гальтона, трижды высказанное им, оказывается справедливым только относительно трех упомянутых классов «знаменитых» людей; напротив, «люди мысли», — писатели и ученые, — затем поэты и «люди искусства» представляют в общем такое отклонение от подмеченного Гальтоном факта, что статистические данные относительно знаменитых людей этих классов дают достаточное основание для заключения, что наиболее даровитый

человек обыкновенно не имеет себе предшественников в своей фамилии. Этот вывод довольно близок к положению Проспера Люкаса: «истинный гений неизменно остается одиноким» (Наследственность таланта. Стр. 251) и представляет достаточный противовес наблюдению Гальтона.

Высокое значение статистических данных, относящихся к писателям, ученым, поэтам и художникам, совершенно понятно: область их деятельности более открыта для конкуренции, чем всякая другая. Для того, чтобы заявить свои способности великого государственного человека, англичанин должен прежде всего сделаться членом парламента, а для этого, при часто практиковавшейся системе подкупов избирателей, солидное состояние было необходимо. Для того, чтобы стать знаменитым полководцем, нужно стать прежде полководцем, а получить этот важный пост без протекций, без сильных родовых связей и аристократического имени, возможно далеко не для всякого даровитого военного человека. Этим объясняется сильное преобладание аристократического элемента между государственными людьми, полководцами и даже судьями (стр. 28). Но такие препятствия, как незнатное происхождение и сравнительно-недостаточное материальное состояние, которые могли бы преградить даровитому человеку доступ к успеху на политическом и военном поприще, представляются недостаточно сильными для того, чтобы заградить доступ к славе литератору, ученому или поэту. Следовательно, если государственные люди или полководцы, наиболее славные, в то же время имеют наиболее блестящие славными именами генеалогии, то еще остается открытым вопрос, число этих аристократических (и в смысле наследственной талантливости) имен не уравновесилось ли бы таким же числом плебейских имен, если бы политическая и военная карьера была в равной мере доступна как людям с знаменитым именем и высоким общественным положением, так и «людям новым» в римском смысле этого слова. А потому относительно показаний статистики о знаменитых государственных людях и полководцах мы с меньшим правом, чем относительно статистических данных, касающихся людей мысли и искусства, можем сказать: «таков факт, доказываемый цифрами, иначе и быть не может по самому существу дела», то есть сделать заключенное а non-esse ad non-posse.

Относительно ученых Гальтон замечает, что у даровитейших из них отцы нередко были совершенно необразованы (стр. 166). Действительно, процент наиболее известных ученых в перечне неимеющих выдающихся предков весьма значителен.

Наиболее блестящие генеалогии встречаются только у *Бэкона*, *Дарвина* и *Цельсия*, давшего свое имя 100-градусному термометру (Р. О.), потому что Кассини едва ли можно считать столь же известным ученым, как трех вышеупомянутых; следующее место по силе наследственности таланта принадлежит Лейбницу (О. р.); *Аристотель*, *Галилей*, *Нэпир*, изобретатель логарифмов, имеют только выдающихся отцов и *Бюффон* и *Д'Аламбер* — выдающихся матерей. Затем вовсе не имеют выдающихся родственников знаменитые в астрономии:

И. Тихо-де-Браге,
Коперник,
Кеплер,
Ньютон,
5. Гершель старший.
Математики:
Паскаль,
Ампер,

Гальвани,
Вольта
Дэви («необыкновенные способности»),

15. Реомюр,
Румфорд,
Франклин (как изобретатель громоотвода),
Стефенсон.

Араго,	Натуралисты:
Эйлер («блестящие способности к математике»),	Линней,
10. Лаплас,	20. Жоффруа Сент-Илер,
Гаусс.	Жюссье, «творец „Естественно системы“» (в ботанике),
Физики, химики и инженеры:	Кювье,
Эрстедт, открывший электромагнетизм,	Гумбольдт

Между «писателями», обладающими наследственным талантом, наиболее известными можно считать

Скалигера (О)

Гроция (Р. О.)

Сталь (Р. О.)

Нибура (О)

5. Маколея (Р.О.), с которым едва ли может сравниться по степени известности Галлам или Порсон (О.О.),

и Джона Стюарта Милля (О).

Очевидно, заключение о силе их таланта, основанное на количестве их даровитых предков, может оказаться совершенно ошибочным. Не имеют даровитых предков:

английские писатели Дефо, Свифт, Стерн и Бентам,

немецкие — Лессинг и Фихте,³

французские — Монтескье, Рабле, Вольтер, Руссо, Шам-польон и Шатобриан, Боссюэ и Фенелон.

Еще полнее это преобладание ненаследственно даровитых замечается между поэтами. Ни один из них не имеет выдающихся отца и деда; только Коупер имеет выдающегося деда; один Гете имеет выдающуюся мать. Наиболее известными изнаследственно-даровитых можно считать Гете, Коупера, Мильтона и Тассо.

Таким образом, в числе ненаследственно даровитых оказываются такие знаменитости как:

Поп,

Шекспир,

Вальтер Скотт

и Байрон — в английской литературе, Шиллер — в немецкой,

Ариост, Данте, Петрарка, Альфиери — в итальянской, все французские поэты, например, Расин, Корнель, Мольер, Беранже,

все испанские поэты, не исключая Сервантеса, Кальдерона и Лопе де Веги,

Камоэнс — единственный представитель португальских поэтов у Гальтона,

все греческие и римские, как то: Эсхил, Софокл, Еврипид и Аристофан, Плавт, Теренций, Виргилий, Овидий, Гораций и Ювенал.

Если сравнить эти данные с тем, что представляет статистики относительно русских ученых, писателей и поэтов, то сходство окажется полное. Ленский (Семья и Школа), исследовав, по методу Гальтона, родственные связи наших литературных деятелей, пришел к заключению, что только «выдающиеся» русские писатели имеют даровитых родственников, а никак не первоклассные, «знаменитые».

«Знаменитые» художники и музыканты, по самому характеру их искусства, должны обладать не только гением, но и высоко развитым зрением или слухом, а такое развитие едва ли

возможно без работы нескольких поколений. Поэтому великие художники и музыканты, поставленные условиями своего искусства в двойную зависимость от развития своих предков, по-видимому, должны отличаться обилием знаменитых предков. Однако ж это не совсем справедливо. Правда, богато одаренное музыкальными способностями семейство представляет поразительный пример живучести музыкальных дарований, но этот пример — единственный, и притом еще вопрос, может ли Себастьян Бах, как ни высок его музыкальный гений», считаться тем же между музыкантами, чем считают Рафаэля между художниками, и не принадлежит ли это место Моцарту или Бетховену. Если же это последнее предложение верно, то между величайшими гениями двух искусств представляется замечательное сходство.

Рафаэль не имеет длинного ряда выдающихся предков, он — сын «живописца, заслуживающего упоминания», — «стоявшего, без сомнения, выше посредственности» — и только.

Моцарт также не имеет длинного ряда выдающихся предков, но он — сын «знаменитого скрипача», который «много писал» (о музыке? или музыкальных пьес?) но Гальтон не считает его «знаменитым» в строгом смысле.

Затем Корреджио («редкий пример гениальности») и Бетховен не имеют выдающихся предков, отец Гайдна, одного из семи знаменитейших музыкальных гениев, не был «выдающимся», но, впрочем, был органистом, отец Мурильо («немногие художники могут по силе и самобытности таланта сравняться с этим великим испанским живописцем») не был даровит, но два дяди его по матери были живописцы, это дает некоторое, хотя довольно шаткое, основание заключать, что мать Мурильо имела по крайней мере зрение хорошо развитое.

Правда, заключение о природе художественного гения, основанное на столь ограниченном числе фактов, будет слишком произвольно, но если оно может быть составлено, то должно иметь следующий вид:

Великие гении, как Рафаэль и Моцарт, имели сравнительно талантливых отцов. Это положительная инстанция.

Такие гении, как Аллегри и Бетховен, не имели выдающихся отцов. Это отрицательная инстанция.

Такой знаменитый композитор, как Гайдн, имел отца недаровитого, но, тем не менее, органиста, то есть человека с достаточно развитым музыкальным ухом. Эта черта со всею справедливостью должна быть приписана отцу Моцарта и — в том измененном виде, какой предполагается самим искусством, — отцу Рафаэля; она возможна в матери Мурильо и не невероятна даже в предках Корреджио и Бетховена. Это, быть может, — *instantia scuris* по вопросу о происхождении величайших гениев искусства. Невероятно, чтобы Рафаэль наследовал свой гений от своего отца: для того, чтобы природа могла перейти от Джованни Санцио к Рафаэлю Санцио, она должна была сделать скачок, должна была в известном смысле создать гений Рафаэля, как создала она гений Корреджио, Бетховена и Гайдна, но в отношении к чисто физическому совершенству органов зрения и слуха в Рафаэле, Бетховене и Гайдне природа вступала, может быть, на высшую, но в то же время совершенно последовательную степень развития. Во всяком случае и о художниках, как и о писателях, нельзя утверждать, что самые величайшие из них в то же время обладают талантом, наследственность которого наиболее очевидна.

Таким образом, из статистических данных, собранных Гальтоном и составляющих — по его мнению — самое твердое основание его теории, следуют два неблагоприятных для теории наследственности таланта (в строгом смысле) заключения:

1. Около 70% талантливых людей нельзя признать наследственно-даровитыми,

следовательно природа в образовании таланта делает большую часть скачки, а не естественные переходы с низшей степени развития на последующую высшую.

2. Те люди, талант которых оказывается наиболее наследственным, далеко не всегда бывают самыми даровитыми; напротив, гений нередко проявляется в семействе *ex abrupto*, без всяких предшествующих фазисов талантливости. Следовательно, теория наследственности интеллектуальной культуры, коль скоро ею предполагается мысль о культурном движении строго-постепенном, прогрессивном, прямолинейном, в приложении к частным фактам из жизни одной расы, оказывается не вполне состоятельной.

Поэтому теория наследственности таланта, как таланта, как известного, целостного обнаружения человеческой души, до тех пор, по крайней мере, пока большее количество фактов не докажет, что даровитость лишь в 20 — 30 случаях из 100 бывает наследственной, не может считаться твердо обоснованною.

Однако то положение, что каждый гений есть сын своего времени и народа, считается истинною общеизвестною; природные способности человека, по самому понятию о прирожденном, заимствуются от родителей, а так как *ex nihilo nihil fit* из ничего невозможно выделить нечто, то мы опять приходим к предположению наследственности таланта. Но чтобы логический результат не противоречил факту, теория наследственности таланта должна принять иную форму.

Когда поэт силою своего творчества наличную действительность превращает в художественный, полный правды идеальный тип, то нельзя сказать, что поэтический образ не зависит от шиной действительности. Все элементы, материя идеала — продукт данного места и времени, который оказывает сильное влияние даже на самое сочетание элементов в художественном типе: Гектор «мужеубийца» наносит смертельные раны героям мечом, копьем, может быть, тяжелым камнем, но в распоряжении Приаида нет ничего, что представляло бы хотя отдаленное сходство с митральезой или даже штыком. Когда природа производит алмаз, то она не создает вещества совершенно нового, а только видоизменяет один из готовых, существующих уже элементов, внутренние особенности которого предрешают отчасти и самую форму нового произведения природы: из чистого углерода она не образует ни золота, ни серебра, ни слоновой кости, а только алмаз.

Нечто подобное бывает и с талантом. По смыслу теории «пангенезиса», «временной» — по мнению самого творца ее, Дарвина, всякая личность слагается из множества частиц («gemmules»), которые группируются самым разнообразным способом, от формы этих групп и зависит индивидуальность человека, его характер и мера его даровитости. Предполагается, что все эти частички в своем элементарном виде существуют в каждом человеке, но не в каждом известная отдельная частичка имеет одинаковую силу: в индивидууме *A* частичка *a* имеет господствующее положение и с группою естественно-сродных с *a* частичек *b*, *c*, *d*... дает направление всем другим комбинациям частичек, облегчая возможность сближения для элементов, более или менее сродных с *a*, и затрудняя ее для элементов противоположных, — другими словами — дает человеку известный тип и то или другое направление его деятельности; в индивидууме *N* частичка *a* с однородными с нею подавлена, отодвинута на задний план преобладающим влиянием частицы *n* однородных с нею. Так как всякий человек есть сын двух особей и, следовательно, наследует элементы одинаковые, но в различных сочетаниях от двух личностей, то для него существуют три одинаковые, если рассуждать *argiōi*, возможности:

1. походить на отца или мать, если группы элементов, наследованные от одного из родителей, получают в сыне такое преобладание, что отодвинут на второй план или даже разложат на составные частички группы, наследованные от другого;

2. совместить в своей личности более или менее полно типические особенности отца и матери, что достигается двумя путями — или через борьбу между группами двух особей, в которой, так сказать, гибнут группы слабейшие, а сильнейшие сохраняются и в силу своего сходства продолжают свое совместное существование в новом индивидууме, — или же через полное слияние групп отца и матери, через которое сила и преобладание их над прочими элементами увеличивается; это слияние возможно только тогда, когда между характерами отца и матери не замечается никакого антагонизма; и наконец

3. не походит ни на отца, ни на мать; явиться совершенно своеобразным типом. Это бывает тогда, когда вес, влияние групп отца и матери, совершенно одинаковы, а антагонизм между ними так велик, что неизбежная борьба между ними кончается их взаимным разложением. Тогда в новом индивидууме получают преобладающее влияние тех групп, которые в отце и матери были оттеснены на задний план. Так объясняются многочисленные случаи «игры природы», когда сильный гений является в роде, не заявившем себя даровитостью.

Эту «атомистическую» теорию образования таланта Гальтон больше поясняет, конечно, чем доказывает, различными, многочисленными случаями из жизни общественной. Логическое достоинство этой теории точно такое же, как и математических законов Гербарта, выражающих отношение между сознанием и «представлениями», то есть, если борьба между элементами существует, то она должна сопровождаться результатами, предусмотренными «атомистической» теорией образования таланта; с этой стороны она оказывается состоятельной. Как гипотеза, она имеет перед теорией наследственности таланта как таланта то важное преимущество, что объясняет факт происхождения талантливых людей из семейств, не заявивших себя высоким умственным развитием, — факт, который с точки зрения этой последней теории должен быть признан «игрою природы», исключением из «общего» правила (а статистика показывает, как часто природа «играет» таким образом и как сравнительно малочисленны те случаи, в которых она следует общему будто бы правилу!)

Но все это не решает еще вопроса о фактической достоверности теории Дарвина — Гальтона. Ведь вся эта борьба частичек происходит за пределами человеческого сознания и наблюдения и входит в область эмпирической действительности только своим конечным результатом, фактом появления в свете даровитой личности. Далее, самые частицы вследствие счастливой группировки которых появляется талант, в сущности составляют только неизвестное *x*: мы еще не можем, прочитав данную теорию, назвать понятными терминами те простейшие группы элементов, из счастливого сочетания которых в более сложные возникает гений; так же мало мы знаем и о законе, который управляет комбинациями элементов так, что иногда потомок является выше всех своих предков. Это зависит, впрочем, оттого, что мы не знаем сущности элементов, почему и не можем уяснить сходства и противоположности их, которые управляют их соединением и разделением. Наконец, вся эта гипотеза отправляется из предположения, что у каждого из людей элементарные частицы одинаковы по своему количеству и качеству. Этот постулат — не более, как *petitum principium*, может быть неизбежное в этой гипотезе, как неизбежны подобные недоказанные положения и во всех других гипотезах.

Во всяком случае, для того, чтобы принять эту гипотезу, нужно перевести на психологический язык «частицы», никому неизвестные, доказать зависимость таланта от таких психических элементов и фактов, которые могут с необходимыми изменениями передаваться наследственно детям и существования которых нельзя отрицать у лиц мало развитых, однако сделавшихся отцами людей «выдающихся» и «знаменитых». Это не представляется невозможным.

Талант есть весьма высокая степень умственной силы. Этот признак в понятии о таланте

является до такой степени преобладающим, во всех своих обнаружениях талант в такой мере заявляет себя именно с этой стороны, что все другие при знаки таланта остаются в тени, и некоторые психологи рассматривают талант именно как одну из форм способности умственной.

Между тем, талант имеет природу весьма сложную, находится в зависимости от таких психических свойств, которые ни как не могут быть подведены под категорию умственных способностей; талант есть, так сказать, фокус, в котором собраны черты не только умственной деятельности, но всей личности человека. Гальтон, уясняя свой взгляд на природную даровитость, определяет ее не только как качество ума, но и как качество характера, как известную степень энергии и выносливости в труде. Является вопрос: до какой степени талантливость известного лица объяснима из гармонического сочетания именно этих последних свойств человека? Можно думать, что обнаружения умственной жизни человека находятся в самой сильной зависимости от склада его характера.

Все индивидуальные особенности человека заметно разделяются на две категории: люди различаются между собою или по своим количественным признакам или по качественным. Количественный признак человеческой личности есть сила в ее неименованном, отвлеченном виде, проявляющаяся как сила мысли, сила воображения, сила воли и так далее. Этим признаком два индивидуума, близкие между собою по характеру, по воспитанию и роду деятельности, различаются между собою. Эта же сторона имеется в виду и при всех классификациях, имеющих в виду распределить людей по степеням. Другая сторона человеческой личности, та, которую Гальтон называет характером, есть сторона качественная или формальная. Нетрудно убедиться, что характер не только дает направление силы, определяет род или форму ее деятельности, предрешает в известной степени выбор профессии, но определяет самую меру проявления силы и, следовательно, степень успеха человека на избранном им поприще, подобно тому, как цвет стекла определяет степень интенсивности прошедшего сквозь него луча или материя, цвет и поверхность нагретого тела определяет количество освобождаемой им теплоты. Умственная сила, которую человек проявляет в своей деятельности и которая определяет его степень при классификации людей по их даровитости, есть живая сила, есть часть всего количества потенциальной силы, освобожденная человеком в той мере, в какой это возможно при данном количестве потенциальной силы и при данном характере. Отсюда понятна важность того дополнения, которое сделал Гальтон при раскрытии своего взгляда на природную даровитость: поставляя энергию и выносливость в труде, — качества, составляющие естественную принадлежность холерического темперамента, непременным условием для достижения высокой репутации, Гальтон как бы исключает из круга даровитых людей лица с другими темпераментами, и с практической точки зрения он (Гальтон) прав. Сангвиник, флегмагик и меланхолик не обладают естественной возможностью проявить свои умственные способности в такой мере, в какой это удастся холерику. То, что первым достается только с усиленным трудом, живая возбужденность и упорная настойчивость в осуществлении своих намерений составляют естественный, от природы данный надел холерика. Обращая, далее, внимание на тот факт, что весьма значительное большинство английских ученых обладают этими дополнительными качествами таланта самой высокой степени, можно со всей справедливостью полагать, что они, современные английские ученые, славою своею обязаны весьма много именно своей необыкновенной энергии и выносливости⁴. Отсюда можно сделать и то заключение, что изменение даже такой общей основы характера, как темперамент, состоящая в усилении энергии и постоянства или в умении резких черт холерического темперамента, когда он принимает узкое, одностороннее направление, примесью сангвинического и меланхолического элемента, — должно сопровождаться возвышением умственного уровня людей «посредственных». В самом деле, суждение о них составлено по

количеству их «живой» умственной силы, между тем как количество их потенциальных сил — в полном смысле *terraincognita*. Лотце не считает возможным отрицать, что слабая восприимчивость к цивилизации у народов даже так называемых низких рас, зависит от их племенного характера, от «трудности — возбудить в них настойчивый интерес к благам нашего просвещения гораздо более, чем от полного недостатка нужной для уразумения их смьшленности (Микрокозм. Ч. 3. Стр. 119 —120 и 137 и далее. М, 1867)». Также несправедливо было бы утверждать, что «посредственности» при их умственных способностях даже с изменением естественной канвы их характера, если бы это было практически возможно, неспособны подняться над уровнем посредственности. К этим людям также можно приложить замечание Лотце, что грубость, отличительная черта некоторых из них, есть признак их характера, а не их умственных способностей, что бедность их духовной жизни зависит, по крайней мере, столько же от их слабой восприимчивости к высшим умственным интересам, сколько и от их умственной ограниченности. Опыт показывает, что даже и они, — эти люди без высоких умственных дарований, — в экстренных случаях способны подняться до степени людей «выдающихся». В эпоху общественных бедствий, говорит Гальтон, «становятся заметными люди, которые до тех пор ничем не выдавались и которые опять возвращаются к своему прежнему образу жизни, как только минуют обстоятельства, вызвавшие их к деятельности. Но пока существовала опасность, они были настоящими героями. Они были хладнокровны среди опасностей, проницательны при совещаниях, бодры при продолжительных лишениях, человечны в отношении к раненым и больным, поддерживали мужество в малодушных» (Стр. 48). Пусть даже «счастливая особенность этих людей заключается в обладании слишком упругими нервами»; но, значит, под этими крепкими, грубыми нервами скрывается весьма значительное непочатое богатство потенциальных духовных сил (и в том числе сил умственных: для того, чтобы быть проницательным в совещаниях, кажется, требуются нервы не только крепкие, но и до известной степени тонкие), если в эпоху бедствий эти люди способны стать настоящими героями. Следовательно, самое большее, что можно себе позволить в суждении об этих личностях, это то, что при данном состоянии умственных способностей и характера они не могут быть признаны талантливими, потому что имеют мало шансов проявить более полно свои силы; но это не препятствует заключению, что дети этих людей, если влияние матери благотворно отразится на их темпераменте, могут стать людьми не только выдающимися, но и знаменитыми, а возможность счастливого соединения в сыне темпераментов отца и матери признается едва ли не всеми.

Темперамент составляет канву для развития характера, его в строгом смысле естественную основу; но характер развивается под влиянием еще другого природного фактора, который представляет исторический элемент в человеке. Это — наследственные привычки, результат часто повторяющихся действий предков, которые произвели соответственные изменения в их нервной системе и стали их второй природой. Возможность наследственной передачи привычек признается многими учеными. Важность наследственных привычек для всей духовной жизни человека понятна сама собою: всякая привычка, по выражению Ушинского, бывает или капиталом, или долгом; привычка к порядку в соединении со счастливым темпераментом представляет среду, которая способна в наиболее чистом и полном виде проявить в себе умственные силы, освободить их в возможно большем количестве.

Привычка есть та форма, в которой передается большая часть наследственных специальных качеств человека, и от сочетания ее с пропорциональным количеством силы зависит весь успех человека в известной профессии. Аргюиможно предположить, что сын замечательного

гимнаста наследует организацию своего отца даже и в том случае, когда не наследует его силы; вероятно он (сын) не будет в состоянии, например, поднимать большие тяжести, но ловкость, гибкость, будут его естественными качествами. Умственные качества предков передаются потомкам в форме умственной привычки⁵. Это качество представляет только весьма благоприятное условие для умственной деятельности человека, но не тождественно с умственной даровитостью. Все значение умственной привычки для человека ограничивается тем, что умственный труд, который на человека, исключительно преданного физическому труду, ложится таким тяжелым бременем, становится потребностью и наслаждением; такой человек с большею ловкостью будет обращаться с логическими приемами, что не дает еще основания заключать, что результаты умственного труда его будут особенно ценны.

Умственная привычка есть одно из самых устойчивых психических качеств; раз до высокой степени развитое в одном индивидууме, оно передается его потомкам с замечательным постоянством. Кажется, не было еще примера (а если такие примеры и были, то, конечно, весьма редко), чтобы сын или внук замечательного человека возвратился к образу жизни своих предков и стал жить исключительно физическим трудом. Этому явления нельзя объяснить тем только, что жизнь эта не представляет тех внешних удобств, какие доступны среднему сословию: еще вопрос, действительно ли литературный труженик, живущий своим литературным трудом, пользуется большим комфортом, чем зажиточный фермер. Естественнее всего дело объясняется тем, что врожденная склонность к умственному труду и наслаждению заявляет себя в потомках литературных знаменитостей настолько сильно, что они предпочитают спокойной, обеспеченной жизни земледельца или мелкого собственника жизнь литературным трудом, который, несмотря на все соединенные с ним тревоги, представляет уже сам в себе умственное наслаждение.

Темперамент и привычки и в частности умственные привычки суть постоянные факторы, влияющие на умственные силы человека в их проявлении, но даровитость потомков зависит не от одних только постоянных свойств их предков. Если бы это было так, то степень даровитости членов одного семейства не подвергалась бы почти никаким колебаниям; все братья были бы одинаково даровиты, и единственное отклонение от общей нормы состояло бы разве только в том, что младшие братья, родившиеся в пору высшей психической зрелости их родителей, были бы несколько даровитее старших. Однако по вычислениям Гальтона оказывается, что из 250 братьев даровиты бывают только 127 и притом старшие братья (то есть старшая половина) имеют почти вдвое более шансов стать знаменитыми, чем младшие⁶) — ясный знак, что даровитость человека находится в сильной зависимости от какой-то изменяющейся причины. А так как никакие перемены во внешнем мире не действуют на дитя до его рождения непосредственно, то следует заключить, что перемены в психофизическом состоянии родителей — единственная причина колебания уровня способностей родных братьев и единственная форма, в которой внешний мир может оказывать влияние на способности дитяти.

И в самом деле, если перемены в организме, через посредство которых психические качества родителей передаются детям, или предполагаемые комбинации частичек служат, хотя сколько-нибудь верным и точным выражением действительности, как она открывается нашему сознанию, то следует допустить, что влияние наличного душевного состояния родителей в данный период времени на способности их детей должно быть весьма велико. Человек живет в смене и сменой своих душевных состояний, и значение некоторых из них для человека столь велико, что он смотрит на себя с точки зрения этих из бранных состояний: они становятся формою его самосознания. Человек, конечно, весьма редко сознает себя как существо с таким-то темпераментом, с такими-то способностями, а обыкновенно мыслит о себе как о человеке, который делает и испытывает в данный момент то-то. Если не все, то более постоянные и

интенсивные из этих состояний, особенно те, которые своим влиянием совершенно подавляют противоположные состояния, должны отразиться на организме. Только этим и можно объяснить те не опровергнутые еще факты влияния воображения матери на организацию дитя. Можно поэтому предположить, что если бы у Ньютона родился сын в ту предшествовавшую великим открытиям пору, когда «погруженный в размышление, Ньютон не знал, что делал, стал нечувствительным к внешним впечатлениям и обыкновенным жизненным побуждениям», когда он, «проснувшись утром, часто просиживал большую часть дня на постели полураздетый» (Уэвелль), то, как ни высок гений Ньютона, однако сын его едва ли был бы достойным преемником его имени.

Но если состояние душевной жизни родителей в данный период может понизить уровень умственных способностей дитя, то нельзя не допустить и противоположного заключения: счастливое душевное настроение родителей должно поднять уровень даровитости их дитя. То неоспоримо, что один и тот же человек в одно время кажется более даровитым, чем в другое. Под влиянием счастливых обстоятельств душевное настроение может принять светлый колорит, и тогда человек чувствует себя более энергичным, более нравственно сильным; его мысль и воля достигают высшей степени совершенства; словом, благодаря счастливому возбуждению, он начинает освобождать большее количество потенциальной силы, чем в другое время. Естественно ожидать, что родившийся при таких благоприятных обстоятельствах сын наследует энергичный, сильный характер и такой избыток душевных сил, что в общем получится натура несравненно более даровитая, чем у отца или матери. Это счастливое возбуждение их сил в большинстве случаев и заменяет преемственную, систематически продолжающуюся в нескольких поколениях культуру умственных способностей, о которой не может быть и речи, как скоро имеются в виду родители большинства даровитых людей⁷).

С вопросом о влиянии душевного настроения родителей на даровитость детей тесно связан вопрос о знании нравственного элемента брака, именно взаимной любви между родителями, для их детей. Априорическая теория, затрагивающая этот вопрос, решает его в положительном смысле. Шопенгауэр и Гэккель (Отечественные Записки. 1876 г. Январь. Борьба за индивидуальность) в любви с ее отличительным признаком — стремлением к противоположному, восполняющему то, чего не достает в свойствах одного индивидуума, — видят одно из самых могущественных средств, которым природа достигает усовершенствования видов. «Всегда (inder Regel), — говорит Гэккель, — новый индивидуум обладает более высокой организацией, чем те два, из слияния которых он произошел». Таково же и общее мнение относительно этого вопроса; по крайней мере, от браков по расчету не ожидают даровитого потомства. Но статистические данные, собранные Гальтоном, дают слишком мало материала для решения этого вопроса. Гальтон, исследовавший статистические отношения сходства и контраста между родителями современных английских ученых по телосложению и даже по цвету волос, почему-то оставил открытым вопрос о том, существует ли связь между даровитостью сына и взаимною любовью его родителей.

Из всего сказанного о таланте следует то заключение, что он имеет сложную природу и представляет результат взаимодействия таких психических элементов, которые (за исключением умственной привычки, которая образуется вследствие более или менее продолжительной культуры душевных способностей) одинаково существуют как в душе талантливого человека, так и в душе «посредственности». Эти выводы вполне совпадают с тем представлением о природе таланта и его происхождении, которое дает гипотеза Гальтона.

Всякое решение вопроса о происхождении таланта в том смысле, что талант обуславливается не случайностью, а влиянием естественных причин, каковы бы ни были эти причины, логически ведет к выводу, весьма важному по его практическому значению. Гальтон

приступил к своему труду имея в виду именно этот практический интерес, соединенный с решением вопроса о наследственности таланта в положительном смысле. «Подобно тому как, несмотря на различные ограничения, с помощью тщательного подбора нетрудно получить такую породу лошадей или собак, в которой быстрота бега представляла бы качество не случайное, а постоянное, точно так же было бы делом вполне осуществимым произвести высокодаровитую расу людей посредством соответственных браков в течение нескольких поколений», — говорит Гальтон в самом начале своего труда. И действительно, какую бы постановку ни давали вопросу о наследственности таланта, от каких бы естественных факторов ни ставили в зависимость его происхождение, — если только эти факторы не случайны, от воли человека зависит поставить себя и такое положение, что естественные причины произведут естественные следствия. Так можно аргументировать о проекте Гальтона. В ином свете является этот проект, когда его обсуждают а posteriori, когда ставится вопрос о практическом осуществлении его в настоящее время. Ряд своих рассуждений Гальтон заканчивает следующей мрачной тирадой: «Таким образом, раса постепенно падает, становясь с каждым последовательным поколением менее способной к высокой цивилизации, хотя она и сохраняет внешнюю форму последней до тех пор, пока не придет время, когда вся политическая и общественная машина рухнет и в обществе проявится более или менее резкий возврат варварству, в течение которого раса может быть снова обновиться. Причина этого падения расы заключается в том, что «благодаря социальным условиям, в старой цивилизации существует противодействие плодовитости способных классов»: даровитые люди не имеют шансов жениться рано: люди «знаменитые (разрядов *F* и *G*), во-первых, слишком немногочисленны, чтобы потомство могло оказать сильное влияние на общий уровень расы, во-вторых, если они имеют потомков, то заражаются стремлением основывать семейства посредством браков старших сыновей с богатыми наследницами, то есть женщинами, имеющими мало шансов на плодовитость, — и задержания браков младших сыновей; к этому присоединяется зло от сосредоточения лучших сил страны в больших городах, «где браки менее плодовиты и дети имеют менее шансов жить». Вследствие всех этих условий «один только непредусмотрительный и непредприимчивый элемент содействует главным образом увеличению народонаселения» (Стр. 278).

Нельзя не признаться, что общая мысль этой тирады — та мысль, что в настоящее время трудно надеяться на возвышение общего умственного уровня расы, — справедлива (действительно ли все зло зависит от одних социальных условий, это, конечно, другой вопрос).

В самом деле, если возвышение расы должно состоять в увеличении процента талантливых людей, то оно может быть достигнуто двумя путями: для этого нужно или создавать даровитых людей, которые будут являться как *homines novi* мир талантов, или же брать их из существующих уже аристократических (в смысле талантливости) родов, другими словами — нужно или постоянно пополнять ряды даровитых людей талантами, выходящими из рода «посредственностей», или же поддерживать плодовитость в родах, заявивших себя даровитостью.

Первый пример в сущности дела не невозможен. Слишком 70 % знаменитых людей — *homines novi*. Но, при данном состоянии наших знаний, этот прием решительно неосуществим — его невозможно приложить к делу с уверенностью, что изданного числа опытов хотя 1 % даст желаемый, блестящий результат. Еще невозможно сколько-нибудь точно обозначить все те элементы, те простейшие психологические качества, взаимодействия которых образуют талант; тем менее возможно определить — так сказать — реакцию этих элементов, чтобы все, что не достает одному индивиду, восполнить свойствами другого, то есть устроить вполне рациональный, вполне соответственный брак. Химия таланта, если возможно употребить такое

сочетание слов, находится еще в состоянии младенческом, чтобы не сказать — эмбриональном, и единственная мера, которую, при данном состоянии знаний и при предполагаемом добром согласии всех членов настоящих человеческих обществ, можно бы приложить к делу с уверенностью в успех, может быть скорее отрицательная, чем положительная: она могла бы состоять в устройении только таких браков, относительно которых нельзя сказать с большою вероятностью, что они приведут к дурным последствиям. Конечно, от этой меры следует ожидать не появления талантов или гениев, а лишь незначительного возвышения общего уровня способностей, хотя и это результат весьма немаловажный.

Вообще же этот (первый) способ возвышения расы, если только познанию природы таланта суждено развиваться и если когда-нибудь будут приведены в достаточную ясность причины, давшие 70 % талантливых личностей, — именно имеет за собой перспективу более светлую, чем второй, и для увеличения контингента талантливых людей имеет приблизительно такое же значение, какое прививка плодовых деревьев для развития садоводства.

Второй способ возвышения расы — способ, проектируемый Гальтоном, имеет, по видимому, великое преимущество перед первым. Если мы согласимся, что цифра 28 верно означает процент несомненно наследственно талантливых между «знаменитыми» людьми каждой страны, то найдем⁸, что в Англии мужчина 20 — 60-летнего возраста классов *F* — *H* имеет шансы произвести «знаменитого» сына, выражаемые отношением 1:62,32 (28:1745), между тем как шансы мужчины классов *A* — *E* равны 1:4.881,13 (72:3.514.420), то есть даровитый англичанин имеет в 78,32 раз более шансов стать отцом «знаменитого» человека, чем «посредственность». Это показание статистики подкрепляется тем соображением, что даровитый человек имеет возможность передать своему сыну умственную привычку в высшем смысле этого слова, которая не может сложиться у большинства «посредственностей» (классов *A*, *B* и даже *C*).

Но все эти светлые надежды, которые может возбудить мысль о проведении в жизнь второго проекта улучшения расы, разбиваются двумя обстоятельствами. Во 1-х, Гальтон не в состоянии разрешить простого вопроса: справедливо ли и до какой степени справедливо, что мужчины и женщины, одаренные необычным гением, бесплодны (Стр. 249)? Хотя, впрочем, соглашается, что «нет сомнения, что *весьма многие* даровитые люди не имели потомства».

Между тем, некоторые писатели решают поставленный вопрос в положительном смысле и, как кажется, не без основания указывают причину бесплодия даровитых личностей не во внешних обстоятельствах (например, стремление основывать семейства), которые так или иначе можно устранить, а в неизменном законе природы. «Закон равновесия между нервными и половыми отправлениями подтверждается фактами сравнительной физиологии...» Этот «всеобщий закон жизни можно формулировать так: степень плодородности изменяется обратно пропорционально с развитием нервной системы, так что животные с большим количеством мозга — наименее, а с меньшим — наиболее плодородны... Ничто, относящееся до настоящего вопроса, не установлено с такою несомнительностью, как общий антагонизм между нервной и воспроизводительной системами. При напряженных умственных занятиях, поглощающих много нервного элемента, образуется не много зародышных клеточек... Люди, сильно занятые умственной деятельностью, вообще неплодовиты в деторождении... Сами факты наводят на мысль, что пресечение семейств находится в тесной связи с высоким развитием умственных способностей. Из 15 лиц, занимавших кресло президента в Соединенных Штатах, семь были бездетны, причем число всех детей было до 20. Те же явления повторяются всюду. Наполеон, Вашингтон, Фоксы, Питты и другие замечательные люди, как бы по правилу, не оставили после себя детей, чтобы пополнить пробел, образовавшийся с их смертью... Коммерческая деятельность одинаково неблагоприятна для продолжения рода, как научная и политическая»

(Кэри. Руководство к социальной науке. Стр. 567—578).

Во 2-х, Гальтон основывает свой проект возвышения расы на предполагаемой возможности укрепить в известном роде высокие способности предка «посредством соответственных браков в течение нескольких поколений», между тем, если мы, «приняв за основание вычисления правило, что народонаселение возобновляется 3 раза в течении 100 лет» (стр. 261), 33 13 года — за высшую пору зрелости, и произвольно взятый 1600-й год за исходный пункт хронологии, представим в хронологическом порядке часть сравнительной таблицы (стр. 239), составленной Гальтоном, то окажется следующее:

В 1600 г. Группа из 400 мужчин имеет в своей среде 1 весьма даровитого человека.

В 1634 г. 200 мужчин в супружестве с 200 женщинами, сыновья и дочери предыдущих, имеют в своей среде 8 весьма даровитых личностей.

В 1666 г. дети предшествующих, 100 мужчин и 100 женщин, имеют в своей среде 31 даровитого члена.

В 1700 г. 250 мужчин, сыновья предшествующих, из них 127 даровиты.

1734 г. 100 человек, дети даровитейшей части предшествующих, имеют между собою 48 даровитых личностей.

1766 г. 200 человек: из них даровиты 7.

1800 г. 400 мужчин, потомки предыдущих, имеют в своей среде — 1 даровитую личность.

Таким образом, культура умственных способностей, продолжавшаяся двести лет, дала далеко не блестящие результаты. Процент даровитых мужчин (1/4 %) в 1600 и 1800 г. совершенно одинаков. Гальтон объясняет возрастание процента до 1700 г. и понижение с 1700 г. соответственными в первый период и несоответственными в последний период браками членов данного рода; но справедливость этого объяснения подлежит сильному сомнению. Несомненно, что члены этой фамилии, жившие после 1700 г., когда она дала столь значительный контингент даровитых и «знаменитых» личностей, имели несравненно более шансов на заключение соответственных браков, чем члены жившие до 1700 г. Правда, первые могли «заразиться стремлением основывать семейства» и жениться на богатых наследницах; но 1) это — только возможность, 2) не все наследницы непременно бесплодны, 3) их бесплодие должно невыгодно отразиться на количестве, а не на умственных способностях детей; для того, чтобы, допуская последнее предположение, остаться логичным, нужно допустить, что умственные способности этих наследниц были весьма невысоки, если их влияние так быстро парализовало результаты с лишком 100 лет преемственно продолжавшейся интеллектуальной культуры, которая должна значительно укрепить талантливость в этом роде; но вероятно ли, чтобы потомки знаменитых людей 1700-го года были так нравственно тупы, что могли решиться на подобные браки?

Факт становится несравненно понятнее, если мы начинаем искать его причины не в общественных «условиях старой цивилизации», а в самом влиянии таланта на телесный организм человека.

И сравнительная бесплодность даровитых людей и поразительное уменьшение процента даровитых людей в роде, прославившемся своей даровитостью, объясняется из одного и того же закона сохранения силы.

Если душа есть паразит нашего тела, то конечно нигде она не обнаруживается с этой стороны так сильно, как в гениальных людях. Количество соков, поглощаемое напряженной умственной деятельностью, должно быть весьма значительно. Эта непроизводительная по отношению к телу трата сил не всегда, правда, обнаруживается губительными для тела последствиями; многие английские ученые представляют фактическое доказательство совместимости здравого духа со здоровым телом, но, кажется, гораздо больше логической правды

на стороне тех, которые знаменитое «mens sana in corpore sano» считают идеалом, редко осуществляющимся в действительной жизни⁹. В самом деле, достоверно известно, что некоторые, вероятно весьма многие знаменитые люди поддерживали свой организм только строго диетическим образом жизни (например, Паскаль, Д'Аламбер, Лаплас), некоторые становились жертвой своей страстной привязанности к своему предмету (например, Эйлер, Хладни, Юнг, Лагранж, Малюс, Гюйгенс, Френель¹⁰), наконец некоторые знаменитые люди доводили свой организм до такого истощения, что их умственные силы видимо ослабевали (Кант, Гюйгенс и Гумбольдт).

Все эти факты служат признаком того, что талант может сопровождаться такою тратой сил, что остатка их бывает едва достаточно для поддержания собственного существования гениальных людей. Понятно, что сын такого гениального человека имеет гораздо больше шансов получить от отца его талант, нежели сильный, здоровый организм. Между тем, при сильной наследственной склонности к умственному труду, дети даровитых людей обыкновенно развиваются раньше своих родителей, то есть талант их (детей) начинает истощать их силы раньше, чем они достигают некоторой крепости, и таким образом детям великих людей часто приходится выбирать между двумя исходами: или развиваться умственно, подвергаясь опасности совершенно истощить запас органической силы, или же ограничивать свои порывы к умственным занятиям, что далеко не всегда исполнимо на деле. Первая альтернатива может вести к двум последствиям: даровитый человек или вовсе не будет иметь потомства или же его влияние на природу детей будет слишком слабо и потому будет подавлено влиянием более сильной, хотя и менее даровитой их матери, и таким образом их умственный уровень понизится.

Отсюда видно, что аналогия между образованием высоко даровитой расы и искусственным улучшением породы животных не может быть названа особенно удачною. Едва ли может рассчитывать на верный успех тот, кто задается целью развести породу, например, собак в равной мере тучных и быстрых; а тому, кто намеревается произвести высоко даровитую расу людей, предстоит задача не менее трудная. Поэтому и те средства, которыми с таким успехом пользуются люди, выводящие новые породы животных, не обещают верного успеха в приложении их к человеку. «Соответственным», по мнению Гальтона, брак бывает тогда, когда и муж и жена происходят из одной расы (племени)¹¹, имеют одинаковое телосложение, даже цвет волос, тем более темперамент, и одинаково даровиты. Это средство может содействовать тому, что группы элементов отца и матери будут сходны и потому без особенно сильного антагонизма войдут в состав организма их дитяти; но эта мера может также вести к пресечению даровитости семейств, потому что раздувает в разрушительный пожар пламя гения. В видах сохранения талантливых фамилий иногда, а может быть и очень часто, бывает необходимо прибегать к противоположной мере, то есть заботиться только о том, чтобы примесью здоровых элементов покрыть тот дефицит в телесных силах, который произошел вследствие высокого развития талантов в знаменитых представителях этих фамилий, а такая мера почти неизбежно ведет к понижению умственного уровня членов этих фамилий. Таким образом, волнообразное колебание уровня даровитости, засвидетельствованное показаниями статистики (стр. 239), составляет, вероятно, совершенно нормальное явление в таких семействах, которые чрезвычайным развитием талантливости не обрекли себя на вымирание.

Несмотря, однако, на то, что статистические данные не оправдывают того предположения, что талант развивается строго прогрессивно, передаваясь от предков потомкам, нет еще оснований утверждать, что общий уровень даровитости известного народа остается неподвижным. Ничего невозможно сказать против справедливости того предположения, что «ad nihilum nihil fit». Следовательно, нельзя утверждать и того, что однажды достигнутое развитие

умственных дарований, однажды приобретенная умственная привычка исчезают совершенно бесследно, в то время когда прогрессивное, быстрое развитие таланта в известной фамилии вызывает продолжительную реакцию. Правда, только 1/4 % правнуков даровитых представителей известных фамилий оказываются даровитыми, но при этом нельзя оставлять без внимания того, что целый век отделяет их славных предков и целых два века от их родоначальников. Следовательно, если процент даровитых людей в известном обществе оказывается одинаковым в 1600 и 1800 гг., то отсюда нельзя заключать с полной уверенностью, что люди XVIII столетия по своим дарованиям ничуть не выше, чем представители XVI в. Единственный доступный нам масштаб есть репутация; а этот масштаб не остается тождественным, а напротив, сам изменяется с веками, и, может быть, тот, кто и XVI в. занимал место в разряде F, в XVIII в. едва выделялся бы из ряда представителей разряда E. Во всяком случае, судить о сравнительной даровитости лиц, разделенных веками, так же трудно, как определять общее возвышение уровня большого поля, производимое годами.

Учения о наследственности таланта до сих пор еще нельзя считать твердо обоснованным на очевидных фактах. Правда, после исследования Гальтона нельзя, не вдаваясь в диалектические тонкости, ответить отрицательно на вопрос: бывает ли талант наследственным? Но собранных статистических данных во всяком случае недостаточно для того, чтобы отвечать утвердительно на вопрос, наследствен ли талант, когда этот вопрос поставлен без всяких разъяснений или ограничений. Факты очевидной наследственности таланта стоят одиноко, вне связи с обычным ходом человеческой жизни, и более, чем уравниваются фактами другого характера.

Но недостаточно твердое, когда единственным его основанием признаются данные опыта, учение о наследственности таланта сильно своею логическою стороною, своею связью с фактом различия людей по их природным дарованиям, когда самое учение о наследственности таланта предлагается в той форме, в какой излагает его Гальтон в заключительной главе своего первого сочинения, и таким образом входит как часть в целое в учение о наследственности душевных свойств вообще.

Примечания

Так, признать репутацию мерою таланта и допустить обратное положение: «Кто не имеет репутации талантливому человеку, тот не имеет таланта» значит сделать заключение a non-esse ad non-esse. Положение, что даровитые люди непременно достигают известности несмотря ни на какие неблагоприятные обстоятельства (Стр. 43 и 38), в сущности только предположение, весьма близкое к заключению a posse ad esse. Напротив, весьма вероятно, — по крайней мере, нет никаких фактических оснований в пользу противоположного мнения, — что и такой сильный талант, как талант Ньютона, не обнаружился бы, если бы случайное оскорбление, нанесенное ему товарищем, не пробудило его (Ньютона) энергии, и заглох бы среди неблагоприятных внешних обстоятельств, если бы дядя не отправил его в университет (История индуктивных наук Уэвелля. 2 т. Примечание Литтрова. Стр. 773). Из 191 11 современных английских ученых признают, что мотив, определивший их карьеру, — счастливая случайность, и 99 — внешние благоприятные обстоятельства (Семья и школа. Декабрь. Стр. 282 —283. Извлечение из Englishmen of science, their nature and nurture). Указание на то, что племянники кардиналов не сделались знаменитыми несмотря на внешнюю поддержку (Наследственность таланта. Стр. 42), еще не может служить *instantia crucis* в вопросе о значении внешних благоприятных обстоятельств для образования таланта: внешняя поддержка и общественные преимущества не для всех людей, не для всякого темперамента могут быть благоприятным обстоятельством. Математик Лагранж, сын графа, считал причиной своего счастья, что отец его разорился и он должен был трудиться. «Если бы я имел состояние, говорил он, я бы не любил математики, может быть даже и не научился бы ей» (История индуктивных наук Уэвелля. 2 т. Стр. 785). Даже тот факт, что человек после множества напрасных усилий с более счастливым — предполагается — в своих природных дарованиях конкурентом, сам признает свою умственную слабость в сравнении со своим соперником, не исключает логической возможности предположения, что эта разность есть результат влияний, не соответствующих природным особенностям (темпераменту) этого человека, или того предположения, что он ведет борьбу не в той области умственной деятельности, к которой он призван. Тредьяковский заявил себя бездарным пиитом, но вправе ли мы заключить, что, при более благоприятных обстоятельствах, он не был бы, например, даровитым филологом или археологом?

Стр. 63, 88 и 117.

Именами Аристотеля, Бэкона, Лейбница, Фихте и Милля и ограничивается весь философский персонаж в сочинении Гальтона; других имен, славных в истории философии, мы не встречаем в сочинении Гальтона ни в главе «Ученые», ни в главе «Писатели». Это представляется довольно странным: Гальтон заявляет, что его затрудняет выбор «знаменитых» писателей и ученых, что он (Гальтон), во избежание длинных объяснений причин, по которым известные лица вошли в его список, выбрал преимущественно таких «знаменитых» ученых и писателей, о которых слава еще вполне сохранилась в Англии. Но относительно философов (а их Гальтон также внес в свой список, стр. 137, хотя это имя прилагается и к Бойлю, и к Ньютону, и к Франклину и даже к Дэви) нельзя сказать, чтобы выбор известнейших из них мог быть особенно затруднителен; с другой стороны, ужели имена Локка и Юма или Огюста Конта так мало известны в Англии, что их нужно было исключить из списка «знаменитых писателей» во избежание длинных объяснений? Между тем, если бы репертуар философских имен у Гальтона был более полон, то процент «знаменитых» наследственно-даровитых писателей несомненно понизился бы. О Декарте и Юме из самого сочинения Гальтона известно, что они не принадлежат к числу обладающих наследственным талантом. Стр. 244.

Уэвелл (История индуктивных наук. Т. 2. Стр. 238) сообщает следующий интересный факт: «Ньютон не замечал никакой разницы между собою и другими людьми и видел только свою привычку к упорной твердости и постоянной бдительности. Когда его спрашивали, каким путем он сделал свои открытия, он отвечал: „тем, что постоянно думал о них»; и в другой раз он выразился, что, если бы он и сделал что-нибудь, то этим он обязан единственно только мыслительному трудолюбию и терпению. „Я постоянно держу в уме предмет моего исследования», говорит он, „и терпеливо жду, пока едва брезжащий, утренний свет постепенно и мало-помалу не превратится в полный и блестящий свет». Нельзя составить более ясного понятия о свойстве этого умственного напряжения, посредством которого он приводит в действие всю полноту своих сил, — поясняет Уэвелл, — но сами эти силы ума у разных людей весьма различны. Есть много таких людей, которые целый век могут прождать в сумерках и никогда не дожидаться ни малейшего света». Это справедливо, однако еще вопрос, выдержит ли такой человек роль ожидающего до конца и не заснет ли умственно на своем наблюдательном посту.

Этот термин заимствуется у Карпентера, который, впрочем, не обозначает ясно отношения умственной привычки к умственной силе или способности. «*Приобретенные умственные привычки*, — говорит Карпентер, — часто внедряются в организацию человека с достаточною силою и постоянством, чтобы они могли передаваться потомкам как *наклонности* к подобному же складу мыслей. Знание, как все допускают, не может переходить таким образом от одного поколения к другому, но усиленная *способность* (?) к приобретению знания вообще или какого-либо особенного рода знания, может быть унаследован.» Эти наклонности и способности будут приобретать новую силу, растяжимость и постоянство в каждом новом поколении...» «Когда какое-нибудь состояние ума, отнюдь не врожденное, часто повторялось, — пишет Милль, — то ум приобретает, как доказано способностью привычки, значительно усиленную способность приходить в такое состояние, и эта способность должна зависеть от какой-либо перемены в физическом характере органической деятельности мозга... Подобная приобретенная способность к известному состоянию мозговой деятельности может быть передаваема чрез наследство» (Русский Вестник Г. 100. Стр. 793—794).

Этот последний вывод относится собственно к английским ученым (Семья и Школа).

«Здоровый, деятельный отец, здоровая мать с энергическим характером, все умственные и физические силы которой направлены к достижению какой-нибудь высокой цели, — таковы большею частию родители гения» (Комб. Семья и Школа. Январь).

Вычисление произведено на основании стр. 34 «Наследственности таланта».

Защитником этого взгляда был и К. Д. Ушинский.

Все указанные примеры выбраны из примечаний Литтрова к «Истории индуктивных наук».
Всех биографических очерков — 17; в 10 встречаются доказательства паразитизма таланта.

Гальтон во втором своем сочинении показал, что талант писателя, происходящего из одной расы, выше, чем талант того, который происходит из расы смешанной. Это, по-видимому, справедливо в приложении только к английским, шотландским и ирландским писателям (из 180 писателей — только 3 —4 смешанной крови). Этого никак нельзя сказать о русских исторических деятелях. Ленский (Семья и Школа) рассмотрел генеалогию 46 наших писателей, и в этом числе нашлось 13 человек смешанной крови (28,26 %); между этими последними встречаются имена не только второстепенных писателей (Кантемир, Капнист, Хемницер, Дельвиг и т. п.), но даже таких знаменитостей, как Фонвизин, Карамзин, Жуковский, Пушкин (последние три даже не чисто кавказской расы), Лермонтов и Тургенев. Знаменитый Суворов должен бы называться Сувара. Даже Петр I по матери — потомок англичанина Гамильтона.